

На правах рукописи

ЧУПРЯКОВА Ольга Анатольевна

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГЛАГОЛЬНАЯ ДЕРИВАЦИЯ В ГОВОРАХ
ВОЛГО-КАМЬЯ**

10.02.01.- Русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Казань-2006

Работа выполнена на кафедре сопоставительной филологии и межкультурной коммуникации филологического факультета государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования “Казанский государственный университет им. В.И.Ульянова-Ленина”.

Научный руководитель - доктор филологических наук
Аминова Альмира Асхатовна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Марков Виталий Михайлович

кандидат филологических наук
Алексеева Аниса Павловна

Ведущая организация - Государственное образовательное
учреждение высшего профессионального
образования “Башкирский государственный
университет”

Защита состоится января 2007 года в часов на заседании диссертационного совета Д 212.081.05 по присуждению ученой степени доктора филологических наук при государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования “Казанский государственный университет им. В.И.Ульянова-Ленина” по адресу: 420008, г.Казань, ул.Кремлевская,18.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. Н.И.Лобачевского ГОУ ВПО “Казанский государственный университет”.

Автореферат разослан декабря 2006 года

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук

Актуальность исследования. Одной из важнейших задач современного словообразования является комплексное исследование словообразовательной системы русского языка, выявляющее как механизмы порождения новых лексических единиц, так и особенности их последующего функционирования внутри языковой системы в целом. В последние десятилетия в отечественной лексикологии доминирует изучение словообразовательных структур в плане динамики языковых процессов: успешно разрабатываются вопросы сочетаемости словообразовательных аффиксов с различными типами производящих основ, изучаются особенности организации семантического пространства и пути его формализации на различных уровнях языковой системы и т.д. В то же время, несмотря на устойчивый интерес к данной области и обилие работ, рассматривающих вопросы теории и истории русского словообразования [см., например, новые исследования: Булдакова 1997; Кубрякова 2000; Кустова 2000; Улуханов 2004 и др.], многие вопросы словообразования до сих пор не получили полного отражения в лингвистической литературе. Так, например, остаются недостаточно изученными структурно-семантические отношения и парадигматические связи между производящими и производными в сфере различных групп глагольной лексики.

Теоретические вопросы русского словообразования разрабатываются как на базе именного, так и глагольного словопроизводства; специфика глагольной деривации, в силу сложной семантической и морфологической структуры глагола, требует постоянного рассмотрения. Несмотря на то, что исследования в области глагольного словообразования, в том числе – на различных этапах развития русского языка – проводились [см. разыскания Б.Н. Головина, И.С. Улуханова, В.В. Лопатина, С.П. Лопушанской, П.С. Сигалова, В.Г. Костомарова, М.В. Черепанова, В.Г. Барановской, Л.П. Демиденко, С.С. Ежковой, В.В. Кавериной, Ю.П. Князева, В.А. Масловой, М.В. Нефедьева, З.П. Здобновой, М.А. Кронгауза, Т.В. Поповой, А.А. Аминовой, В.Г. Фатхутдиновой, А.П. Алексеевой, Т.М. Николаевой, Н.Б. Лебедевой и др.], изучению семантической деривации в сфере русской глагольной лексики, чаще квалифицируемой как переносное или метафорическое употребление слова, посвящено сравнительно небольшое количество работ. При этом материалом исследования выступают обычно данные русского литературного языка [Ваулина 1993; Вовк 1986; Грушко 1986; Ковалев 1981; Кожевникова 1994], тогда как семантизация диалектной глагольной лексики остается за пределами внимания исследователей. Большинство работ по диалектной лексикологии по-прежнему ориентировано на изучение имени [ср., например, Жмурко 2001; 2003; Баранникова 1963; Маркелов 2003; Теленкова

1959; Шакурская 1997 и др.]. Между тем отсутствие описания особенностей диалектной глагольной семантической деривации препятствует реконструкции объективной картины становления и функционирования словообразовательной системы русского языка. Таким образом, предпринятый в настоящей работе опыт исследования семантической деривации с целью выявления словообразовательных моделей, реализуемых в системе русских говоров, может восполнить пробелы в теории глагольного словообразования, а также способствовать решению целого ряда вопросов семантической деривации и полноценной разработке проблемы глагольного слова.

Объектом диссертационного исследования явилась семантическая деривация в сфере диалектной глагольной лексики русского языка.

Целью настоящего исследования является выявление особенностей образования глагольных лексем в говорах Башкирии, Вятского края и Волжско-Свияжского междуречья в XIX и XX столетиях. Лингвистический анализ предусматривает решение следующих частных **задач**:

- дать характеристику семантических и словообразовательных особенностей глаголов, образованных семантическим способом словопроизводства;
- составить классификацию семантических дериватов по словообразовательным значениям и словообразовательным типам;
- выявить изменения, произошедшие в структуре, семантике, сфере употребления семантических производных, определить причины названных изменений;
- проанализировать синонимические связи между семантическими дериватами.

Многоаспектность исследования обуславливает применение комплекса **методов**. Поскольку эволюцию языка можно презентовать в качестве набора следующих друг за другом горизонтальных срезов его системы [см. Барнет 1978; Климов 1973; Ярцева 1960], глагольные образования рассматриваются, с одной стороны, *в синхронии* (и, таким образом, учитываются характерные особенности отдельных периодов их существования), а с другой – *в диахронии*, так как исследование предусматривает анализ становления языковых явлений. Анализ семантических дериватов в синхронии предполагает использование *описательного метода*, а характеристика семантической структуры интересующих нас образований – использование *метода компонентного анализа*. Построение моделей толкования, соответствующих словообразовательному значению исследуемых глаголов, опирается на *трансформационный метод*.

Материалом исследования особенностей образования и функционирования семантических глагольных дериватов, послужили показания “Словаря русских народных говоров” под редакцией Ф.П. Филина [СРНГ], “Словаря русских говоров Башкирии” под редакцией З.П. Здобновой [СРГБ], “Материалов для объяснительного областного словаря Вятского говора” под редакцией Н.М. Васнецова [ОСВГ], “Словаря русских говоров Вятского края”

[СВГ] “Словаря русских говоров Волжско-Свияжского междуречья” под редакцией М.Ф. Моисеенко [СВСМ], из которых были извлечены и классифицированы по определенным моделям глагольные лексемы. В качестве материала, иллюстрирующего их значение и употребление в общенародном русском языке XIX века, использовались данные “Толкового словаря живого великорусского языка” В.И. Даля [СД], опора на который позволяет дать объективную картину семантической структуры и системных отношений исследуемых дериватов в языке XIX века.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что проведенное исследование позволяет ликвидировать лакуны в описании диалектной глагольной лексики как относительно самостоятельной подсистемы с присущими ей специфическими особенностями и в то же время являющейся частью общей системы национального языка, способствует адекватному отражению структуры и внутренних закономерностей функционирования семантических дериватов, обнажает связи семантических, стилистических явлений в языке, показывает реальную взаимосвязь и взаимодействие образований, созданных безморфемным способом. Анализ диалектного материала способствует развитию теоретической базы русской лексикологии и расширяет возможности лингвистической интерпретации текста. Теоретические положения работы способствуют уточнению таких понятий, как: деривация, производящее слово, производное слово, словообразовательные отношения.

Научная новизна исследования определяется тем, что в диссертации *впервые* в результате анализа большого фактического материала различных диалектов разрабатываются вопросы семантической деривации в русских говорах, ранее не получавшие достаточного отражения в лингвистической литературе. Дана всесторонняя характеристика словообразовательной семантики диалектных глаголов, описаны в лексико-семантическом аспекте их производящие основы; выявлены словообразовательные типы и словообразовательные значения различных тематических групп глагольных образований и составлены их полные списки; изучены синонимические отношения указанных производных; описаны изменения в структуре и семантике анализируемых глаголов.

Теоретическая значимость диссертационного сочинения и его научная новизна определяют сферу его **практического применения**. Данные, полученные в результате исследования, могут быть использованы при составлении толковых и словообразовательных словарей русского языка; в процессе преподавания лекционных курсов по диалектологии, исторической лексикологии, истории русского литературного языка, исторической стилистике, словообразованию и при составлении учебных пособий по изучению указанных курсов; в практике преподавания русского языка в школе.

Апробация работы проводилась на следующих научных конференциях:

1. Всероссийская научно-практическая конференция “Вопросы современной филологии и методики обучения языкам в школе и вузе”. Пенза, 2004. 2. Всероссийская научно-практическая конференция “Сопоставительная филология и полилингвизм”. Казань, КГУ, 2005. 3. Международная научная конференция “III Международные Бодуэновские чтения: И.А.Бодуэн де Куртене и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания”. Казань, КГУ, 23-25 мая 2006 г. 4. Международная научно-практическая конференция “Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы”. Казань, ТГГПУ, 23-24 июня 2006 г.

Структура работы: диссертационное сочинение состоит из введения, трех глав, заключения, списка принятых в работе сокращений, библиографии и приложения. Объем основного текста составляет 165 страниц, общий объем диссертации - 185 страниц машинописного текста.

Содержание диссертации.

Во введении обоснована актуальность избранной темы, определяются цели и задачи исследования, дается характеристика предмета и источников исследования, сообщается об основных методах исследования, подчеркивается научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы.

Первая глава “*Семантика диалектного слова и семантический способ образования глагольной лексики в говорах*” посвящена рассмотрению и анализу существующих точек зрения на семантическую структуру диалектного слова, его отношение к слову литературного языка, природу, специфику семантического словообразования как особого способа словопроизводства; определению основных особенностей семантической деривации в сфере глагола.

Важность рассмотрения способов словообразования в диалектном языке очевидна. Диалектный язык обладает большими возможностями словопроизводства как в части образования конкретных глаголов, так и в охвате разнообразных семантических участков, расширении определенных тематических групп глагольной лексики.

Диалектный язык, как известно, – это полисистема, надстроенная над всеми частными системами, кроме литературного языка. Форма его бытования определяет многие типологические особенности: повышенную экспрессивность, отсутствие внешненормирующих факторов, приблизительность словоупотребления, большое число окказиональных образований, повышенную подвижность и проницаемость всех уровней диалектной системы и, что особенно важно для нашего исследования, – её лексико-семантического уровня. Основным критерием целостности современного территориального диалекта остается целостность языкового сознания носителей говора, представляющего собой форму общественного сознания, совокупность знаний, представлений о языке, его структуре, нормах, закономерностях развития. Работы Е.В.Ухмылиной, Т.С.Коготковой, О.И.Блиновой, Н.А.Лукьяновой, А.Н.Ростовой, Г.А.Ракова

доказывают, что показания языкового сознания носителей говора могут быть надежным источником исследования диалекта, особенно на лексико-семантическом уровне; весьма важным представляется в этой связи вопрос о нормированности языковых единиц в диалектах.

Понятие диалектной нормы трактуется в научной литературе неоднозначно. Наблюдения ученых показывают, что норма складывается в диалекте из конкретных реализаций потенциальных возможностей данной языковой системы. Однако в отличие от норм литературного языка диалектная норма характеризуется большей подвижностью, отсутствием письменной кодификации. Если в литературном языке выход за пределы нормы является стилистически маркированным, то в говоре выход за пределы нормы представляет собой факт повседневной речи [Оссовецкий 1982: 65-70; Лукьянова 1977: 86-94; Сороколетов, Кузнецова 1987: 164].

Сложной является и проблема статуса так называемых вариантных языковых единиц (в число которых исследователи нередко включают и лексические) при сопоставлении литературного и диалектного языка. В обеих формах существования национального языка действительно наблюдается семантико-стилистическое различие, однако, если сопоставить литературный язык с частной диалектной системой, указанное различие отсутствует, поскольку каждый говор стремится к преодолению функционального многообразия так же, как и литературный язык.

С проблемой взаимодействия диалектного слова со словом общенародного языка связан и вопрос о границах диалектного слова. Выделение трех одинаково релевантных критериев диалекта – территориального, исторического и социального (поскольку язык в целом социально и культурно обусловлен) – было обосновано сравнительно недавно [Бородина 1987: 13]. Кроме того, в наши дни невозможно с достоверностью утверждать, что слово литературного языка, имеющее в диалекте изоглоссу, абсолютно чуждо носителям диалекта и знакомой им языковой системе. Есть мнение, что отсутствие слова в диалектологических записях не может служить доказательством отсутствия слова в том или ином говоре [Сороколетов 2002: 185-186].

Большие трудности вызывает как вопрос о границах диалектного слова, так и о его тождестве, то есть разграничении полисемии и омонимии. Разграничение полисемии и омонимии является установлением границ диалектного слова на семантическом уровне. Сложности касаются, прежде всего, особенностей функционирования диалектного слова. Устная форма бытования диалектного слова предопределяет отсутствие фиксации слова, значения которого (лексическое, словообразовательное, грамматическое) выводятся из совокупности его употреблений. Соответственно системные связи лексической единицы диалекта (синонимические, паронимические, антонимические и др.) также выводятся из совокупности ее употреблений.

Важнейшим при разграничении полисемии и омонимии представляется установление регулярных моделей семантических переносов в диалектах и их отношений к регулярным моделям образования слов литературного языка. Для уточнения семантической структуры диалектного слова большое значение имеет и семный анализ слова, сравнительно новый для диалектной лексикологии, хотя и устоявшийся в лексикологии литературного языка [Бойцова 1986: 63]. Актуализация той или иной семы в значении слова и определяет его семантическую специфику по сравнению со словом литературного языка или другого диалекта, очерчивая границы диалектного слова.

Процессы развития диалектной лексики происходят именно в пределах отдельного говора, потому что в пределах отдельного говора все компоненты лексики связаны системными отношениями. Однако, поскольку в качестве материала настоящего исследования берется исключительно глагольная лексика интересующих нас говоров, противопоставление лексики каждого из трех говоров, взятой как единое целое, лексике двух других, также взятых как единое целое, не предполагается; результаты исследования отражают особенности образования и функционирования диалектных глагольных форм в говорах Волго-Камья, являющихся частью севернорусских говоров.

Работы, посвященные изучению лексики литературного русского языка и лексики народных говоров, показали, что анализ значений реально функционирующих лексем в большинстве случаев выходит за рамки традиционно принятого теоретического и лексикографического описания [Бойцова 1988; Загоровская 1990; Стернин 1985: 5-6]. Следовательно, проблемы семантики лексической единицы вообще, и диалектной в частности, требуют от исследователя нового подхода к решению некоторых семасиологических проблем, и прежде всего – переосмысления ряда теоретических понятий и уточнения основных семасиологических терминов.

Справедливо, что диалектная лексикология должна исходить из теории значения диалектного слова, соответствующей современному уровню развития научных знаний о языке, а значит – из признания отражательного характера диалектной лексической семантики. Одна из функций языка, в том числе и диалектного, – накопление знаний, их кумуляция. Однако, признавая в целом кумулятивный подход к значению слова, исследователи расходятся в понимании того, какие знания, научные или обыденные, отражаются в значении слова.

В современных исследованиях на разнообразном фактическом материале раскрывается, что в плане содержания слова отражаются как индивидуальные, так и групповые, коллективные языковые знания [Бойцова 1988; Загоровская 1990]; психической реальностью являются языковые знания индивида, то есть индивидуальная языковая компетенция носителя языка. Лингвистическое же исследование в первую очередь опирается на языковые знания коллектива, другими словами – на совпадающую часть семантических компетенций всех

носителей данного языкового образования. В говоре или диалекте такая совпадающая часть семантических компетенций и представляет собой системное значение диалектного слова, в котором закреплены результаты отражения общеизвестной части достигнутых всеми носителями говора или диалекта знаний о конкретной реалии. Именно системное значение диалектного слова в изложенном понимании этого термина составляет предмет описания в настоящей работе.

Естественно, что значение слова, общее для носителей взятых изолированно русских говоров Башкирии, Вятского края и Волжско-Свияжского междуречья, включает не все признаки предмета, явления или понятия, известные членам языкового коллектива на определенном этапе его исторического развития, а только те, которые позволяют носителю говора идентифицировать обозначаемый объект и отграничить данное слово от всех других в процессе бытового общения. Кумулятивный подход к значению слова требует, таким образом, комплексного, то есть учитывающего все факторы, описания диалектного слова. Справедливо, что в современных диалектологических разысканиях учитывается соотношение лексической единицы с другими единицами, её место в лексической парадигме, её синонимические, антонимические и омонимические связи, стилистическая маркированность и иные особенности. Включение дополнительных семантических характеристик в состав самого значения слова, описание как денотативно-сигнификативного, так и коннотативного содержания диалектного слова способствует большей объективности диалектологических исследований.

Фундаментальные вопросы словообразования, касающиеся словообразовательной структуры слова, мотивированности, производности и членимости основ, научной методики словообразовательного анализа, характеристики способов словопроизводства, связи словообразовательных процессов с явлениями смежных уровней языка, регулярности и продуктивности словообразовательных типов, моделей и словообразующих морфем, рассматриваются в отечественной лингвистике достаточно широко [Виноградов 1952; Винокур 1959; Земская 1965; 1973; 1978; Тихонов 1974; Улуханов 1977; Лопатин 1977 и др.]. Одной из самых полемичных можно назвать проблему семантической деривации.

В исследованиях последних лет семантическая деривация признается одним из способов образования новых слов, однако некоторые авторы по-прежнему считают ее словообразовательные модели изменяющими производящую основу лишь семантически [Горкавчук 2004; Кустова 2000], несмотря на убедительные доказательства обратного в работах казанских лингвистов [Марков 1981, Николаев, Балалыкина 1985]. Еще А.А. Потебня, а также Л.В. Щерба, полагали, что слово может иметь только одно значение и что каждое значение образует отдельное слово. В.М. Марков считает, что “появление нового значения – это появление нового слова, осуществленное в результате единичного

словообразовательного акта” [Марков 2001: 125]. Ученый определяет словообразование как часть лексикологии и подчеркивает, что семантический и морфологический способы словопроизводства находятся друг с другом в отношениях параллелизма и взаимодействия.

В процессе безморфемной деривации, как и морфемной, слова возникают на основании типовых отношений по определенным словообразовательным моделям на базе слова, словоформы или словосочетания; морфологическое и семантическое словопроизводство характеризуются одинаковыми словообразовательными категориями и понятиями: соотнесенность, мотивированность, словообразовательное значение, словообразовательный тип, словообразовательная парадигма, словообразовательная цепь; морфемные и семантические дериваты могут подвергаться деэтимологизации [Марков, Балалыкина, Николаев].

Сущность словообразовательного акта состоит, как известно, в образовании инновации, внутренне противоречивом процессе, возникающем в результате взаимодействия противоположных тенденций: с одной стороны, тенденцию устойчивости, всеобщности выражает словообразовательная система в целом, а также компоненты словообразовательной системы (модели, форманты), с другой стороны, тенденцию изменчивости, индивидуализации выражает то новое, что появляется в результате реализации и коррекции словообразовательных моделей и средств.

Словообразовательный тип, согласно выводам казанских лингвистов, представляет собой совокупность производных слов, характеризующихся одинаковыми словообразовательными связями, единым словообразовательным значением и словообразовательным средством, а словообразовательная модель является формально-семантическим образцом порождения новообразований, в основе которого лежит схема строения производных слов одного словообразовательного типа. Приведенные определения касаются морфологического и семантического способов словопроизводства, однако в семантическом словообразовании определяющую роль играет семантика производящего и производного слов [Балалыкина, Николаев 1985:139].

В диалектологических исследованиях последних десятилетий семантические дериваты все еще квалифицируются как “лексико-семантические варианты диалектного слова”, которые представляют собой “видоизменения содержательной стороны диалектной леммы без изменения ее звуковой оболочки” [Загоровская 1989: 23]. В основу предпринятого исследования положены идеи, высказанные в работах В.М.Маркова, Г.А.Николаева, Э.А.Балалыкиной, А.А.Аминовой. Представляется, что именно их трактовка теории словообразования вообще и семантического, частности, позволяет осуществить объективное воссоздание истории глагольного словообразования, а

следовательно – восполнить существующие пробелы в понимании развития глагольного словопроизводства.

Освещение вопроса о месте семантических дериватов в лексике говоров напрямую зависит от квалификации семантической специфики диалектного слова как элемента особой лексической системы.

Единая историческая и генетическая основа говоров и литературного языка обуславливает существование единых моделей семантического словопроизводства. Однако семантизация диалектного слова вообще, и диалектного глагола в частности, имеет специфические черты, отличающие ее от семантизации слова литературного языка. На уровне различных компонентов значения диалектного слова своеобразие, свойственное культуре определенного региона, проявляется по-разному [Загоровская 1990]. В денотативной части семантики регионально-культурная специфика диалектного слова обнаруживается а) в способности обозначать специфические реалии; б) в особенностях предметно-понятийного членения действительности; в) в расхождениях в организации близких или тождественных понятий. Территориальный диалект представляет собой определенную точку зрения на действительность, которая в различных вариантах национального языка близка, но не тождественна. На уровне эмотивного компонента семантики регионально-культурное своеобразие диалектного слова проявляется в особенностях оценок, связанных в сознании диалектоносителя с определенным словесным знаком и обусловленных как эмоциональной характеристикой обозначаемого явления, так и своеобразием стилистической расчлененности лексики в говоре. Регионально-культурное своеобразие собственно-языкового компонента значения диалектного слова проявляется как своеобразие ассоциативных парадигматических и синтагматических связей внутри семантических полей и как стилистические характеристики их составляющих.

В семантическом словообразовании диалектного слова находит свое отражение регионально-культурное своеобразие всех названных компонентов диалектного слова. Поэтому в данной работе все особенности той или иной глагольной лексемы, подвергшейся семантической трансформации, названы и детально проанализированы.

Во второй главе *“Семантическая деривация глагольных лексем в говорах Башкирии, Вятского края, Волжско-Свияжского междуречья”* рассматриваются и анализируются глагольные лексемы, функционирующие в русских говорах Волго-Камья. Исследование названных дериватов предусматривает решение нескольких частных задач. Это, во-первых, классификация семантических дериватов по словообразовательным моделям с параллельной характеристикой отдельных особенностей их лексической семантики; во-вторых, выявление изменений, произошедших в структуре, семантике, сфере употребления семантических производных, попытка определения причин названных изменений.

Основной характеристикой семантической деривации в сфере глагола является образование глагольных лексем на базе соотнесенности с уже существовавшим в лексической системе глагольным словом.

Все остальные характеристики семантического словообразования в сфере глагола совпадают с характеристиками слов других частей речи: образование нового слова происходит путем переосмысления семантики производящей единицы, то есть её включения в иной лексический разряд, при отсутствии аффиксальной морфемы; слова образуются на основании типовых отношений по определенным моделям; отношения между производящим и производным выявляются на базе соотнесенности, то есть семантической связи исходного и производного слова. На основании соотнесенности, идентичной типовой мотивированности, определяется и словообразовательное значение семантических дериватов – значение ряда однотипных образований, созданных безморфемным способом.

В имеющейся литературе существует множество классификаций глагольных производных единиц, образованных морфологическим способом [Головин 1967; 1976; Черепанов 1975; Улуханов 1977; Галенко 1982; Чевельгина 1982; Карунц 1980; Тихонов С. 1980 и др.]. Семантические же дериваты (называемые метафорическими значениями глаголов) упоминаются лишь в рамках указаний на их более или менее прозрачные связи с их производящими, однако, отмечается, что семантическая мотивация нарушает прежние структурные связи и актуализирует новые в системе современного глагольного словообразования [Черепанов 1974: 116-117; Капанадзе, Красильникова 1975; Земская, Китайгородская, Ширяев 1981: 77-81, 131-175, 179-181]. Все указанные выше разыскания написаны на материале современного русского литературного языка (как, впрочем, большинство исследований, посвященных интересующей нас проблеме; диалекты и просторечие освещаются в единичных случаях, например, [Ильин 1971]). Наше же исследование, помимо современных диалектных глаголов, включает диалектные глаголы, зафиксированные еще в XIX столетии. Это обстоятельство обеспечило отражение в нашей классификации словообразовательных моделей, не представленных в системе глагольного словопроизводства современного русского литературного языка.

В процессе анализа словарного материала нами были выделены следующие модели производства семантических дериватов:

1. Производить звуки > говорить определенным образом.

При этом производящий глагол может иметь общее значение:

а) звукопроизводства объектом неживой природы;

Так, например, произведен глагол *бубе'нить* в значении “болтать, пустословить” [СРГБ:1:55]: “Хватит *бубенить*, работать пора!”. В СД производный глагол фиксируется в значении “издавать легкий звон, тихо звенеть” [СД:1:135]. Основанием для семантической трансформации послужило сходство

эмоциональной оценки звона и бессмысленного говорения: и то, и другое воспринимается как нечто непродуктивное и поэтому негативное. Также в структуре значения семантического деривата нейтрализуется сема “тихо/громко осуществлять звук”. Таким образом, семантический дериват приобретает также и коннотативный компонент значения. Следует отметить изменение и других характеристик (по сравнению с исходной лексемой): возможность сочетания с названием живого существа (в данном случае человека), с названием адресата действия (отсутствовавшая у исходной лексемы, обозначающей непроизвольное действие), с названием прямого объекта действия (например, речевого произведения). В данный словообразовательный тип входят глаголы *булькнуть*, *гунуть* и др.

б) *звукотворения объектом живой природы*.

По этой модели образован, в частности, глагол *ла'ять* в значении “плакать (о ребенке)”: “Всю ночь мой ребенок *лаял*” [СРГБ:2:57]. В СРНГ глагол *лаять* имеет значение “выть (о волке)” [СРНГ:16:300]. Возникновение производного слова обусловлено сходством издаваемых звуков в плане громкости, отрывистости. Одновременно с деривацией у производного слова появилась отрицательная эмоциональная окраска, характеризующая плач ребенка как нечто негативное. Изменение значения глагола сопровождается сменой принадлежности иной лексико-семантической группе, то есть указанный омонимичный глагол становится компонентом ЛСГ глаголов проявления эмоционального состояния. Наряду с глаголом *лаять* словообразовательный тип составляют глаголы *каркать*, *гурчать*, *бурчать*, *гавкать*, *базанить*.

Очевидно, что эмоционально-оценочный компонент значения производных подобного типа включает семы, отражающие принятое в диалектном коллективе восприятие того или иного действия: немотивированное, нечленораздельное говорение оценивается негативно, так как не выполняет многие функции вербального общения (информативную, ситуативную и т.д.).

2. *действовать определенным образом (о животном) > действовать определенным образом (о человеке)*.

Словообразовательный тип, в основе которого лежит данная модель словопроизводства, составляют глаголы *барабать*, *блажить*, *лежать* и др.

По данной модели создан, например, глагол *бара'бать* “приводить в беспорядок, перебирать руками” [СРГБ:1:32]: “Не *барабай* там: ведь только сложила все” [СРГБ:1:32]. Исходная лексема *барабать* имеет значение “царапать лапками” [СРНГ:2:100]. Семантическая трансформация основана на внешнем сходстве действия животного при помощи лап и действия человека посредством рук, однако у семантического деривата появляются новые компоненты значения, а именно – отрицательная эмоциональная оценка, связанная с трактовкой действия как процесса, нарушающего заведенный порядок устройства быта.

Все семантические дериваты, образованные по названной модели, приобретают отрицательную эмоциональную оценку, свидетельствующую о восприятии действий, названных производными глаголами, в качестве недопустимых. Производящие слова, напротив, лишены какой-либо эмоциональной оценки, так как называют действия животных, обусловленные инстинктами.

3.действовать определенным образом (о живом существе) > действовать определенным образом (о силах природы).

По названной модели, наряду с такими глаголами, как *вскочить*, *выдираться*, произведен глагол *вы'плеснуть* в значении “появившись неожиданно, блеснуть, сверкнуть” [СРГБ:1:79]: “Хмурится, тучи *выплеснули* солнце, опять тучи” [СРГБ:1:79]. В СРНГ производный глагол фиксируется в значении “вылить сразу, броском (какую-нибудь жидкость)” [СРНГ:5:329]. Таким образом, семантический перенос основан на признаке внезапности действия, названного производящим словом. Отметим, что и производящий, и производный глаголы – переходные, однако производное слово лишено способности называть действия живого существа, что связано с общей языковой ситуацией.

4.совершать обыденное физическое действие > каузировать психологическое состояние.

По названной модели произведен глагол *вя'литься* в значении “недомогать”: “*Вялится* все Петька, заболел никак” [СРГБ:1:81]. В СД производный глагол фиксируется в значении “быть вялым” [СД:1:338]. Семантическая трансформация основана на внешнем сходстве субъекта действия в условиях его совершения: пищевой продукт вялится, теряя форму, изменяя цвет, а человек – теряя силы, изменяясь внешне. В данный словообразовательный тип входят глаголы *изуродовать*, *накрыть*, *разворотить*, *защемить*, *нарушать*.

5.совершать обыденное физическое действие > пребывать в социально неприемлемом состоянии.

По данной модели, наряду с глаголами *гнездиться*, *биться*, *глохнуть*, *набраться*, *навешаться*, произведен глагол *колоти'ться* в значении “жить в нужде, бедствовать”: “Она с детьми всю жизнь *колотилась* кое-как” [СРГБ:2:35]. В СРНГ производный глагол зафиксирован в значении “сильно стучаться” [СРНГ:14:180]. Семантизация основана на сходстве в плане интенсивности проявления действия. Семантический дериват приобретает отрицательную эмоциональную окраску, обусловленную негативным восприятием материальной необеспеченности. У производного слова отсутствует свойственная производящему возможность употребляться с именем в форме винительного падежа с предлогом.

6. совершать физическое действие > заниматься профессионально-трудовой деятельностью.

По данной модели произведен глагол *волочи'ть* в значении “работать изо всех сил, не покладая рук”: “*Волочу, волочу, никто не ценит, денег нет*” [СРГБ:1:74]. В СРНГ фиксируется глагол *волочить* со значением “рыхлить землю после посева зерновых, закрывая семена” [СРНГ:5:70]. При осуществлении данного семантического переноса актуализируется семантический компонент “значительная протяженность, изнурительность действия” и новое слово характеризует любую длительную, изнуряющую и кропотливую работу. Единный словообразовательный тип, наряду с глаголом *волочить*, составляют глаголы *ломать, карачиться, ковырять, бурить*.

7. *совершить действие > одноактно осуществить действие.*

У следующей группы глаголов, обозначающих одноактность или краткость действия, на основании общего семантического компонента “мгновенность, внезапность действия” в говорах Волго-Камья появляется омоним, характеризующий какое-либо быстрое, стремительное движение. Например, глагол *бры'знуть* в значении “сильно, неожиданно ударить кого-либо”: “Он начальника *брызнул* по лицу, когда пришел” [СРГБ:1:54]. Семантическая трансформация произошла на основании семантического компонента “мгновенность, внезапность действия”, характеризующего какое-либо быстрое, стремительное действие. Как видно из приведенного примера, семантический дериват приобретает значение физического воздействия на живое существо, в то время как исходная лексема такого значения не имеет. Необходимо отметить возможность сочетания семантического деривата с живым существом (в данном случае с человеком), с адресатом действия; нейтрализуется сема “инструмент действия (вода)”. Данный словообразовательный тип составляют глаголы *блеснуть, визгнуть*. Необходимо отметить, что появление в говорах омонимичного глагола сопровождается сменой ЛСГ, к примеру, омоним глагола *визгнуть* в значении “издать звук”, отмеченный в ЛСГ глаголов звучания, издаваемого живыми существами, становится элементом ЛСГ глаголов исчезновения: “Муку привезли вчера, так за час *визгнуло!*”

8. *совершать действие > эмоционально воздействовать на объект.*

Так, в частности, произведен глагол *борозди'ть* в значении “мешать, препятствовать какому-либо делу”: “Собрание идет, все согласны, один *бороздит*” [СВСМ:13]. В СРНГ омонимичный глагол отмечен в значении “проводить или чертить бороздки, желобки, чертить, волоча снаряд” [СРНГ:3:113]. При осуществлении данного семантического переноса переосмысливается сам характер действия. Основанием для семантизации послужило сходство в плане воздействия на объект с определенной целью. Однако семантический дериват приобрел семантический компонент, связанный с трактовкой действия как совершаемого умышленно с целью нанесения определенного вреда. В результате семантизации изменяются отдельные грамматические характеристики исходного слова, а именно - возможность

управлять существительным в винительном падеже. Данный словообразовательный тип, наряду с глаголом *бороздить*, составляют глаголы *балаганить*, *баламутить*, *винтовать*, *вывертеть*, *высушить* и др. В некоторых из них (к примеру, глагол *винтовать*) производящее слово лишено какой-либо эмоциональной оценки, так как называет действие, обусловленное конкретными потребностями человека, тогда как семантический дериват приобретает эмоционально-оценочный компонент, отражающий не принятое в коллективе поведение человека с целью психологического и эмоционального воздействия на окружающих (получение какой-либо выгоды) и соответственно воспринимается обществом как негативное.

9. *Лексико-семантическая группа глаголов физического воздействия со значением “бить, ударять” в говорах Волго-Камья неоднородна по своему составу.* Слова данной группы рассматриваются нами как микросистема в системе диалектной лексики. Семантика этих глаголов рассмотрена в зависимости от объекта, на который направлено действие.

1) действие над одушевленным предметом, например, глагол *бздану'ть* (модель: “звучание, издаваемое неживыми существами > нанесение удара”) имеет в говорах Башкирии значение “сильно ударить”: “С размаху как *бзданет*, глянь, какая шишка!” [СРГБ:1:44]. В СРНГ зафиксировано значение “плеснуть воду на каменку в бане для образования пара” [СРНГ:2:287]. Очевидно, основанием для семантического переноса послужил компонент, характеризующий быстрое, интенсивное действие. Однако в структуре семантического деривата актуализируется компонент “нанесение вреда живому существу”; значение “наносить удары” реализуется в конструкции типа “бить + кого”.

2) действие над неодушевленным предметом, например, глагол *бо'тать*, отмечен в говорах в значении “ударять”: “Хватит в окно *ботать*, выйду сейчас!” [СРГБ:1:51]. Значение “ударами производить стук, шум” реализуется в конструкции типа “стучать во что-то”. В вышеприведенном контексте значение глагола может быть конкретизировано: “стуком дать знать о чем-нибудь”.

10. *действием, названным мотивирующим глаголом, уничтожить, нанести физический вред живому существу.*

Например, по данной модели, наряду с глаголами *мстить*, *взбучить*, *бодрить*, составляющими единый словообразовательный тип, произведен глагол *би'ть* в значении “точить (о черве)”: “Кожуру скоблю, червяк *бьет* дерево” [СВСМ:12]. В СРНГ глагол отмечен в значении “наносить удары, колотить” [СРНГ:2:300]. Семантическая трансформация основана в данном случае на внешнем сходстве действий человека с целью нанесения удара и действий насекомого, обусловленных инстинктами. В структуре семантического деривата актуализируется компонент “умышленное нанесение удара и как следствие нанесение вреда”. При переносе переосмысливается способ действия, результат же действий, названных производным и производящим глаголом, одинаков. Также

следует отметить изменение некоторых грамматических характеристик по сравнению с исходной лексемой: возможность сочетания с названием неживого объекта действия, направленность на неодушевленный объект.

11. совершать обыденное физическое действие > вести себя определенным образом.

По этой модели произведен глагол *вышиба'ться* в значении “вести себя слишком смело, задиристо”: “Больно вышибаться стала сноха” [СВСМ:24]. В СД омонимичный глагол отмечен в значении “быть вышибаему” [СД:1:327]. Основанием для семантической трансформации стал семантический компонент “выделение объекта из ряда подобных”. Семантика производного слова, относящегося к ЛСГ глаголов поведения, не соотносится со значением пространственного распространения действия, являющегося компонентом значения производящего слова. Семантический дериват приобретает коннотативный компонент значения, связанный с отрицательной характеристикой поведения человека. Производящее слово лишено какой-либо эмоциональной оценки. По названной модели образованы дериваты, входящие в один словообразовательный тип, как-то: *балахрыстить*, *вышибаться*, *распутиться*, *бахвалить*, в некоторых из них (*изгиба'ться* в значении “предаваться шутовству, шалить”: “Будет тебе изгибаться с девками!” [ОСВГ:95]) в результате семантизации изменяются грамматические характеристики исходного слова: появляется возможность сочетания с творительным падежом имени, с названием живого существа, а также на фоне семы “несерьезное поведение” актуализируется семантический компонент “развлекать”.

12. подвергаться процессу > прекращать существование в результате процесса.

По названной модели образован, в частности, глагол *заду'маться* в значении “испортиться, закиснуть”. В качестве употребления, иллюстрирующего появление нового слова, приводится высказывание: “Суп, он уже задумался, закис” [СВСМ:40]. В СРНГ омонимичный глагол фиксируется в значении “быть задумываему, замышляему” [СРНГ:10:71]. Семантическая трансформация обусловлена общей семой “быть, находиться в состоянии” (действие замкнуто на субъекте). Однако если производящее слово называет эмоциональное состояние субъекта, то производное - функциональное состояние. Также необходимо отметить, что семантический дериват приобретает коннотативный компонент “изменение состояния, приобретение качества субъектом”. При семантизации теряется возможность употребления исходного слова с названием живого существа. Данный словообразовательный тип составляют, наряду с глаголом *задуматься*, глаголы *залиться*, *закапать*, *разойтись*, *изныть*.

Итак, в результате анализа диалектного материала нами выявлены модели, не представленные в системе глагольного словопроизводства современного русского языка, в частности, модели “совершать обыденное физическое действие >

пребывать в социально неприемлемом состоянии”, “совершить действие > одноактно осуществить действие”, “совершать обыденное физическое действие > вести себя определенным образом”, “действовать определенным образом (о животном) > действовать определенным образом (о человеке) и др. Необходимо отметить, что наиболее продуктивными являются такие модели (соответственно - типы) образования семантических дериватов в русских говорах, как: “подвергаться процессу > прекращать существование в результате процесса”; “производить звуки > говорить определенным образом”; “совершать обыденное физическое действие - пребывать в социально неприемлемом состоянии”.

Необходимо отметить, что морфемный и семантический способы словопроизводства находятся друг с другом в отношениях взаимодействия (к примеру, глагол *обжалить* “ранить, впиваясь жалом” > *обжалить* “ранить словом, обидеть” образован семантическим способом, в то же время *жалить* “ранить жалом” > *обжалить* “ранить жалом” и *жалить* “ранить жалом” > *обжалить* “ранить словом, обидеть” образованы морфологическим способом, то есть в подобных случаях наблюдается явление двоякой соотнесенности.

Анализ значения семантических дериватов предполагал сопоставление грамматических характеристик производящих и производных. Обращение к тем грамматическим характеристикам, которые непосредственно влияют на распознавание значений глаголов, их определение, их сочетаемостные потенции позволили сделать следующие выводы:

- Семантическая деривация в глаголе сопровождается сменой объекта и субъекта действия, изменением сферы действия, приобретением оценочного компонента, переосмыслением семантического компонента, характеризующего способ действия (к примеру, глагол *перешиба'ть* в значении “перебивать чью-либо речь, прерывать собеседника”), переосмыслением эмоциональной оценки деструктивных действий (к примеру, глагол *изуро'довать* “напугать, испугать кого-либо”), сменой принадлежности к определенной лексико-семантической группе (к примеру, у глаголов *боронить*, *бурлить*, *моторить*, принадлежащих ЛСГ глаголов деятельности, появляется омоним в ЛСГ глаголов произнесения). Кроме того, появление омонима в иной ЛСГ сопровождается приобретением оценочности, например, у глаголов *лаять* “плакать (о ребенке)” и *каркать* “громко говорить, кричать” появляется эмоциональная оценка, связанная с отрицательной характеристикой издаваемых ребенком звуков в первом случае и речи человека во втором. Семантический перенос может быть основан на сходстве в плане воздействия с определенной целью (к примеру, глагол *накры'ть* “наскочить с бранью”); сходстве в плане стереотипов поведения (к примеру, *бобыля'ть* “изменять жене”); на причинно-следственной связи (к примеру, *а'хнуться* в значении “упасть”).

- У производного слова появляется возможность употребления с названием адресата действия (к примеру, глагол *напаха'ть* “наговорить много кому-либо”,

бахва'лить “лгать, говорить неправду”), с названием живого существа (к примеру, глагол *бубе'нить* “болтать, пустословить”, с названием орудия действия (к примеру, глаголы *бодри'ть* “сильно бить”, *взбу'чить* “поколотить”) и т.д.

• Так называемые “скрытые” грамматические категории: категории произвольности-непроизвольности (*разворачи'ть* “распухнуть”), направленности-ненаправленности, совместности-раздельности, адресованности-неадресованности, взаимности-невзаимности действия влияют на особенности сочетаемости глаголов с другими словами в рамках высказывания: например, глаголы непроизвольного действия согласно норме не сочетаются с обозначением адресата действия (к примеру, глагол *разворачи'ть* “распухнуть”), глаголы ненаправленного действия не сочетаются со словоформами – названиями мест, от которых действие удаляется/отчуждается (к примеру, глагол *завихо'ривать* “быстро гнать на лошадях”).

В третьей главе “Синонимические связи семантических дериватов” мы рассмотрели парадигматические связи диалектных глаголов. Установлено, что в синонимические отношения активно вступают как семантические производные, так и морфемные дериваты, и собственно диалектные слова. Выявляются семантические отношения между компонентами того или иного ряда по двум направлениям: во-первых, выявление общего и различного в передаче синонимами инвариантного содержания, во-вторых, выявление особенностей при передаче перцептивного и эмоционального содержания.

При анализе синонимических рядов в рамках первого этапа для выявления общего и различного необходимо компонентное представление их структуры. Приведем несколько примеров.

Сему, общую для компонентов пары /ИЭЗ (интегральный элемент значения)/: “обладать способностью зрения”, “воспринимать зрением”, реализуют синонимы *ба'чить* “видеть, смотреть” [СРГБ:1:36] и *бу'лгать* “хлопать глазами, нагло смотреть” [СРГБ:1:57]: “Что ты так бачишь на меня?” и “Чего ты шарами-то булгаешь?”. В то же время на фоне общей семы у синонима *булгать* развивается дифференциальный элемент значения /ДЭЗ/ “нагло”, обеспечивающий ему яркую эмоциональную оценочность, и эта оценочность подчеркивается его сочетанием со словом *шары*, осознаваемым носителями как грубое, неодобрительное.

Или: синонимический ряд составляют образования *буты'рить* - ворошить, перебирать, приводить в беспорядок [СРГБ:1:59], *бара'бать* - приводить в беспорядок, перебирать руками [СРГБ:1:31]. Вызывает интерес тот факт, что при полном совпадении значений глагол *барабать* называет действие одушевленного существа, тогда как его синоним - неодушевленного, что явствует из следующих примеров: “Не барабай там: только сложила все” или “Ветер зимой снег бутырит”.

С доминантой “бездельничать” представлен синонимический ряд *балахры'стить* [СВГ:1:45] “слоняться без дела, бездельничать”, *броди'ть* “ходить

бесцельно, избегая дел” [ОСВГ:20], *варлы'жить* “лениться, слоняться без дела” [ОСВГ:26], *лежебо'чить* “лениться, ничего не делать” [ОСВГ:121], *ло'дырничать* “уклоняться от дела, работы долгое время” [ОСВГ:123], *лы'тать* “уклоняться от дела, работы долгое время” [ОСВГ:126]. Все синонимы данного ряда реализуют сему “находиться в состоянии бездействия”. Кроме того, синонимы *лодырничать*, *лытать* имеют ДЭЗ “в течение долгого времени”, который реализуется в таком контексте: “Будет тебе лодырничать который год, пора приниматься за дело” или “Ты, девка, не лытай понапрасну весь день; заставлю работать”; синонимы *балахрыстить*, *варлыжить* имеют ДЭЗ “ходить, слоняться”: “Хватит балахрыстить, примелькался!” или “Нечего варлыжить, работать надо”; у синонима *лежебочить* выделяется ДЭЗ “находиться в состоянии бездействия в результате отсутствия работы”: “Он безработный у меня, лежебочит”.

Кроме различий в передаче значения, синонимы могут отличаться один от другого и особенностями передачи перцептивного содержания /эспрессии/ и эмоционального содержания /эмоциональной окраски/, то есть вполне можно говорить об экспрессивных и эмоциональных синонимах. Эмоциональная оценочность применительно к синонимам часто связана с наличием у слова ДЭЗ, при этом эмоциональность как бы накладывается на ДЭЗ, тогда как экспрессивность сама по себе является семантическим дифференциатором синонимов в пределах ряда.

Нами установлено, что особенностью диалектной синонимии является большое количество эмоционально-экспрессивных синонимов в ряду, поскольку в диалектной системе сосредоточивается максимальный набор средств экспрессивного выражения, что связано с общим эмоциональным тоном диалектной речи и приводит к возникновению большого числа синонимических рядов, где, кроме нейтральных, содержатся и эмоционально-экспрессивные синонимы.

Синонимический ряд с доминантой “*реветь*” представлен глаголами, *плакать* [ОСВГ:210], *база'нить* [ОСВГ:10], *бузе'ть* [СВГ:1:124], *блази'ть* [СВГ:1:88]. Все компоненты данного ряда реализуют сему “проливать слезы”. Кроме того, синонимы *базанить*, *блазить*, *бузеть* имеют ДЭЗ “громко, сильно”, который реализуется в таком, например, типовом контексте: “Ты чего, Кать, базанишь, как корова?” /громкость, сила действия подчеркивается сравнением человеческого плача с ревом животного/ или “Больно ребенок плачет, блазит по ночам” /подчеркивается градация силы действия/ или “Всю ночь ребенок-то бузел!”. В контексте же “Чего ты базанишь, шумишь во всю глотку?” сема “громко, сильно” переходит к глаголу *шуметь* и, становясь избыточной в семантике синонима, погашается.

Синонимический ряд с доминантой *гордиться* представлен в диалектном языке глаголами-синонимами *велича'ться* “гордиться, тщеславиться” [СВГ:2:28], *возноша'ться* “зазнаваться, гордиться” [ОСВГ:34], *велика'титься* “превозносить

себя” [ОСВГ:27]. Все компоненты данного ряда реализуют сему “испытывать чувство собственного достоинства”, при этом синоним *великатиться* находится в градуальной оппозиции к двум другим, так как обладает экспрессией, усилением степени проявления признака. Важно отметить, что на фоне общей семы у данного синонима актуализируется ДЭЗ “осознавать свое превосходство”, что явствует из контекста: “Великатится уж больно, цены себе не ставит” или “Больно Гальяка-то возношаться стала!”.

Для семантической структуры компонентов ряда *барзи'ть* “много и тяжело работать без вознаграждения” [СВСМ:9], *бури'ть* “много работать без отдыха, без перерыва” [СВСМ:15], *чертоло'мить* “много работать, выполнять тяжелую работу” [СВСМ:149] характерна следующая сема “заниматься чем-нибудь, применяя свой труд, осуществляя какую-нибудь деятельность”. Все синонимы ряда являются экспрессивными и в то же время эмоциональными, так как на фоне общей семы в структуру данных семем равноправным компонентом входит сема “много, очень”; действиями, названными глаголами, выражается отношение говорящего к тому или иному явлению: “Человек зря работает, какой толк, что он *чертоломит!*”, “Идти бы да где-нибудь поступить на работу, а что я *чертоломила* для кого”, “*Барзила, барзила*, а все не в честь, не в радость. Теперь мне только дом дырявый остался”, “Она *бурит*, как ломовик какой, без усталости, без остановки”.

Изучение состава синонимических рядов предполагало выявление синонимических связей как производных лексем, так и производящих. К примеру, синонимичными являются семантические дериваты *напахать* “наговорить много, шумно разговаривать” и *базарить* “громко, шумно разговаривать”, однако их производящие синонимами не являются. Наличие разных синонимических связей у сравниваемых глагольных образований является дополнительным доказательством их синонимичности.

Исследование синонимических связей диалектных глагольных лексем позволило сделать вывод о том, что в составе синонимических рядов компоненты могут вовсе не иметь различий в семантике, могут отличаться наличием-отсутствием ДЭЗ /а при наличии - разными ДЭЗ/ при общности ИЭЗ, могут выражать различные степени проявления того или иного признака, интенсивность действия, могут сочетать указанные градации с оценкой говорящего и, наконец, могут просто отличаться наличием-отсутствием оценочного момента.

В **заключении** диссертации представлены основные выводы исследования. В результате анализа диалектного материала выявлена специфика образования глагольных единиц, функционирующих в речи носителей русских говоров Башкирии, Вятского края, Волжско-Свияжского междуречья. Определены и описаны структурно-семантические и парадигматические связи между производящими и производными в сфере различных групп глагольной лексики, выявлены модели образования семантических дериватов, в том числе и не

представленные в системе глагольного словопроизводства современного русского языка, исследованы синонимические связи семантических дериватов.

Установлено, что важнейшим фактором при разграничении омонимии и полисемии представляется наличие регулярных моделей семантических переносов и их отношений к регулярным моделям образования слов литературного языка. Для уточнения семантической структуры диалектного слова был использован семный анализ слова. Актуализация той или иной семы в значении слова определяла его семантическую специфику по сравнению со словом литературного языка, следовательно, выявление семантики способствовало определению границ диалектного слова.

Анализ значения семантических дериватов выявил также изменения грамматических характеристик производных глаголов по сравнению с грамматическими характеристиками производящих слов.

- Семантическая деривация в глаголе сопровождается сменой объекта и субъекта действия, изменением сферы действия, приобретением оценочного компонента, переосмыслением семантического компонента, характеризующего способ действия, переосмыслением эмоциональной оценки деструктивных действий, сменой принадлежности к определенной ЛСГ. Изменения в семантике могут быть основаны на сходстве в плане воздействия с определенной целью, сходстве в плане поведенческих стереотипов; на причинно-следственных связях.

- У производного слова появляется возможность употребления с названием адресата действия, с названием живого существа, с названием орудия действия и т.д.

- Так называемые “скрытые” грамматические категории: категории произвольности-непроизвольности, направленности-ненаправленности, совместности-раздельности, адресованности-неадресованности, взаимности-невзаимности действия влияют на особенности сочетаемости глаголов с другими словами в рамках высказывания: например, глаголы непроизвольного действия в норме не сочетаются с обозначением адресата действия, глаголы ненаправленного действия не сочетаются со словоформами – названиями мест, от которых действие удаляется/отчуждается.

Выявлено сходство и различие семантики глагольного слова, функционирующего в литературном и диалектном языке путем реконструирования семантической структуры слова, выделения коннотативных и фоновых сем, репрезентирующих эмпирические и культурно-исторические знания говорящих на данном языке; рассмотрение семной структуры производящих и производных позволило проследить происходящие в процессе функционирования глагольных лексем семантические изменения деривационного характера.

Обнаружено, что у производящих и производных слов разные синонимические связи, что является дополнительным критерием их

омонимичности; выявлено определенное количество синонимических рядов, в которых, кроме нейтральных, содержатся и эмоционально-экспрессивные синонимы.

Перечисленные факты дают право говорить о том, что возникшие по перечисленным выше словообразовательным моделям семантические дериваты являются самостоятельными производными лексемами.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Чупрякова О.А. Семантическая глагольная деривация в говорах Волго-Камья / Чупрякова О.А.// Ученые записки Казанской государственной академии ветеринарной медицины им. Н.Э.Баумана. - Т.186.- Казань: Изд-во КГАВМ, 2006.- С.263-268. (0, 5 п.л.)

2. Чупрякова О.А. Некоторые типы семантических переносов в глагольной лексике русских говоров Башкирии /О.А.Чупрякова //3 Международные Бодуэновские чтения: И.А.Бодуэн де Куртене и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23-25 мая 2006 г.): Труды и материалы: в 2х т./Под общ.ред.К.Р.Галиуллина, Г.А.Николаева.—Казань: Каз.гос.ун-т, 2006.- Т.2. - С. 108-110. (0,2 п.л.)

3. Чупрякова О.А. Некоторые особенности семантической деривации в русских говорах Поволжья, Вятского края, Башкирии /О.А.Чупрякова // Сохранение и развитие родных языков в условиях многонационального государства: проблемы и перспективы: Международная научно-практическая конференция (Казань, 23-24 июня, 2006 года): Труды и материалы.- Казань - Москва: Изд-во Мастер Лайн, 2006.- Т.2.- С.132-137. (0,3 п.л.)

4. Чупрякова О.А. Некоторые модели образования семантических дериватов в севернорусских говорах / О.А.Чупрякова// Сопоставительное изучение разнотипных языков: научные и методические аспекты: Материалы Всерос. научн.- практ. конф. (Чебоксары, 24-26 октября).- Чебоксары: Изд-во ЧГУ, 2006. - Т.2. - С.181-184. (0,25 п.л.)

5. Чупрякова О.А. Семантическое словообразование в говорах Вятского края (в сравнении с литературным языком) /О.А.Чупрякова // Сопоставительная филология и полилингвизм: Материалы 2 Всероссийской научно-практич. конференции.- Казань: Казан. госуд. ун., 2005.- С. 300-302. (0,2 п.л.)

6. Чупрякова О.А. Вторичная деривация в глаголах с префиксом на- /О.А.Чупрякова// Вопросы соврем.филологии и методики обучения языкам в школе и вузе. Сб.материалов 3 Всероссийской научно-практич. конференции /Отв. ред. Румянцева.- Пенза, 2004.- С. 112-114. (0,2 п.л.)